
**ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ/PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY,
PHILOSOPHY OF CULTURE**

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.164.80>**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ КИТАЯ КИТАЙСКИМИ
ФИЛОСОФАМИ**

Научная статья

Оу Г.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0007-8271-2579;¹ Забайкальский государственный университет, Чита, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (792673690[at]qq.com)

Аннотация

Литературное творчество — один из механизмов формирования культурного образа России в Китае. Его особенности имеют свою специфику, которая отражает, с одной стороны, влияние русской литературы, а, с другой, формирование образов через личное восприятие китайскими литераторами культуры России. Эта особенность отражена в статье через рефлексию идей китайских философов. Через историческое влияние русской литературы на китайскую, отмечается проникновение и интеграция ее традиций в китайское литературное творчество. Анализ работ китайских исследователей показал, что формирование культурного образа России в художественном произведении зависит также от динамики международных отношений между Китаем и Россией. Так как национальные культуры Китая и России имеют свою специфику, то у китайских авторов формируется восприятие образа России через китайскую культуру, поэтому он представлен сложным и многогранным; через рефлексию мыслей и эмоций китайских исследователей. Обращение к анализу литературного образа России позволило определить эпистемологический подход в китайской философии культуры.

Ключевые слова: образ России в китайской литературе, образ России в китайской философии, философская рефлексия образа России, эпистемологический подход китайской философии, исторический, политический фактор формирования образа России в Китае.

**INTERPRETATION OF THE IMAGE OF RUSSIA IN CHINESE LITERARY WORKS OF CHINESE
PHILOSOPHERS**

Research article

Ou G.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0007-8271-2579;¹ Transbaikal State University, Chita, Russian Federation

* Corresponding author (792673690[at]qq.com)

Abstract

Literary works are one of the mechanisms shaping the cultural image of Russia in China. Their traits are unique, reflecting, on the one hand, the influence of Russian literature and, on the other, the creation of images through Chinese writers' personal perceptions of Russian culture. This feature is reflected in the article through a reflection on the ideas of Chinese philosophers. Through the historical influence of Russian literature on Chinese literature, the permeation and integration of its traditions into Chinese literary creativity is noted. Analysis of the works of Chinese researchers has shown that the formation of the cultural image of Russia in a work of art also depends on the dynamics of international relations between China and Russia. Since the national cultures of China and Russia have their own specific traits, Chinese authors form their perception of Russia through Chinese culture, which is why it is presented as complex and multifaceted, through reflection on the thoughts and emotions of Chinese researchers. An analysis of the literary image of Russia has made it possible to identify an epistemological approach in Chinese cultural philosophy.

Keywords: The image of Russia in Chinese literature, the image of Russia in Chinese philosophy, philosophical reflection on the image of Russia, the epistemological approach of Chinese philosophy, historical and political factors shaping the image of Russia in China.

Введение

Формирование образа России в Китае сегодня представляет одно из направлений китайско-российского гуманитарного сотрудничества. Этот процесс достаточно многогранный, так как восприятие — понимание — отражение, как в государственной политике, так и в сознании китайского народа, зависит от многих факторов, одним из которых являются литературные произведения. Непосредственное восприятие образа России оформляется у субъекта познания (китайского читателя) через знакомство с переводом литературного произведения, а опосредованное — через литературное произведение китайских авторов о России. Исследователь русской культуры и литературы Чжан Цзяньхуа [17] писал, что в Китае русская литература занимает уникальное культурное положение с конца династии Цин. В 1872 году в первом номере журнала «Чжунси Вэньцзяньлу», одного из первых китайских изданий, знакомящих с западной культурой, были опубликованы русские басни. А к концу династии Цин и к началу Китайской Республики уже появились переводы произведений Пушкина, Крылова и Толстого. Как пишут Цзан

Вэньцзянь и Чжао Хун, благодаря переводу, знакомству и изучению классических произведений русской литературы, китайские писатели постепенно впитали в себя суть русской культуры, ее уникальный стиль повествования, глубокий идеологический подтекст и богатые приемы художественного выражения. Они умело интегрировали эти элементы в свои произведения, превращая образ России в уникальный ландшафт китайской литературы [15, С. 72].

Как показал проведенный анализ, среди китайских филологов акцент делается на взаимобусловленность исторических событий с позицией автора, оторефлексированной в образе литературного героя. Это наиболее ярко раскрывается в ретроспективном исследовании Сюэ Фуци [14], описывающего исторические, идеологические, политические, культурные факторы с X по XXI вв., влияющие на образообразование в русской / советской / постсоветской литературе. Прибегая к описательному методу, Сюэ Фуци в хронологической последовательности через анализ литературных произведений и направлений творчества русских / советских писателей вырисовывает образ литературного героя, соответствующего конкретной эпохе. Авторы другой статьи, аналогичным образом подходят к специфике раскрытия русского образа, акцентируя внимание уже на том, что русская литература — это философия русского народа, его мировоззрение, что она отражает эстетические, нравственные и духовные его ценности, полно и ярко раскрывая его творческий талант [12]. Чжу Чжунцзю, описывая образы России в китайской литературе, отмечает, что они отличаются разнообразием характеристик: они либо героичны и умеют сражаться, как герои русской истории; либо чрезвычайно мудры, как образ мудреца в русской литературе; либо полны загадок, как загадочные существа в русском фольклоре [19, С. 11].

Во втором случае образ России оформляется через его субъективную интерпретацию китайским писателем. Так, например, Го Сивэнь, анализируя роман китайского писателя Лян Сяошэна «Мир», составляет целостный образ России конца XIX — начала XX века. Он, как бы придавая автору роль «Другого», наблюдает за изменениями в китайском обществе, участвуя в процессе китайско-российского культурного обмена и взаимного обучения; как бы помогая писателю лучше выразить своё «Я» и сформировать образ Китая [4, С. 94–95]. Го Сивэнь пишет, что литературные концепции и произведения Лян Сяошэна несут на себе отпечаток русской литературы, но при этом обладают ярко выраженным национальным колоритом [4, С. 95].

Китайские философы, культурологи подходят к образу России, синтезируя в единое целое историю русской нации, русское самосознание и проблемы безопасности, что стало основанием для осмысления культуры китайского общества. Цюй Цюбай, один из исследователей еще в 30 годы XX века писал, что русская литература должна стать для Китая источником идей, переосмысливания взаимоотношений между литературой и обществом. Его идея «популяризации революционной литературы» стала важным шагом в развитии китайской марксистской теории литературы [16].

Интересно по этому поводу замечание Ли Иннань [6] о том, что для Си Цзиньпина и его современников русская и советская литература были важнейшими произведениями для чтения в юности. Литературные образы от Пушкина до Островского, от Гоголя до Достоевского, от Тургенева до Горького оказали влияние на поколения интеллигенции в Китайской Народной Республике. Опыт «старшего советского брата» сделал героев-революционеров, изображённых в таких шедеврах, как «Как закалялась сталь» Н. Островского, одним из направлений для формирования коллективной памяти у нескольких поколений [6].

С учетом заявленной темы исследования, в данной статье акцентируется внимание не на литературных произведениях, а на их философской рефлексии. Она позволяет выявить тот эпистемологический ракурс, который характеризует отношение китайской философии к знанию. По замечанию философа Чэнь Цзямин [20] китайская эпистемологическая теория предполагает не выявление «знания того, что» (что свойственно для западной теории познания), а «знание того, почему», что обеспечивает понимание причин (оснований) того, почему что-либо является именно таким, какое оно есть.

Методы и принципы исследования

В процессе исследования мы учитывали, что предмет анализа междисциплинарный. Обращение с позиций философии культуры потребовало исследовать образ России в китайской литературе с учетом эпистемологического анализа, благодаря которому возможно не описание явления, а выявление его сути. Историко-культурологический подход позволил обосновать, что китайские философы интерпретировали образ России, коррелируя его с историко-политическими отношениями между Китаем и Россией. Обращение к кросс-культурному подходу выявило у китайских философов субъективное восприятие образа России, так как они трактуют его, ориентируясь на ценностные установки китайской культуры. Обращение к осмыслению китайскими философами образа России в китайской литературе через изучение его смысла по внешним проявлениям русского характера, было достигнуто благодаря интерпретационному методу. Диалог культур, как теоретическая база, стал доминирующей концепцией исследования.

С учетом сказанного, в данной статье были реализованы следующие задачи: через концепцию диалога культур обосновано, что на образ России в китайской философии, так же как и в художественном творчестве китайских авторов, влияет динамика китайско-российских отношений; представлено, что обращение к русским / советским / постсоветским литературным образам является одним из оснований для формирования национального характера китайского народа; высказано предположение, что эпистемологический анализ, направленный на выявление особенностей в трактовке образа России, предполагает к нему трансцендентальное отношение.

Основные результаты

Ещё в период «Движения 4 мая» Ху Ши (китайский философ первой половины XX века) и другие философы сформулировали основную позицию и логику китайского культурного строительства: литература должна обеспечить надёжный фундамент для китайской политической архитектуры [10]. Особая роль в этом процессе отводилась русской культуре. Лу Синь (китайский писатель, который оказал большое влияние на формирование общественно-политической мысли в первой половине XX века в Китае), говорил, что русская литература — это светоч мысли. Не

случайно, что Лю Синьсинь отмечает, — Ху Ши и Лу Синь еще в 20 годы XX века подчёркивали важную роль литературы в формировании общественной мысли.

Ли Иннань считает, что обращение к русской культуре и литературе было не случайно для китайских исследователей в этот период. Она представляет сочетание восточной и западной культур; многие её глубинные аспекты жителям Востока легче понять и принять, в то время как западная культура относительно более далека [6]. И это утверждение можно объяснить тем, что в 1920-х годах китайское общество всё ещё было очень традиционным, а русская культура была новой и более лёгкой для восприятия. Так, по замечанию Ли Суйань, например, взгляды Л.Н. Толстого на этические нормы коррелировались с китайской этикой даосизма и конфуцианства. А русский патриотизм соответствовал китайской традиции. В свою очередь, западный индивидуализм, возможно, был сложен для восприятия традиционным китайским обществом [8, С. 54].

В период перехода Китая от традиции к современности сильный гуманистический дух имел решающее значение для китайских литераторов. По словам Сунь, Яотянь, призыв Лу Синя «спасти детей» [13] был, по сути, попыткой пробудить этот гуманистический дух. В период Движения за новую культуру Лу Синь выступал за реформирование традиционной этики, отношений между отцом и сыном, ориентируясь на «ребёноцентричный» подход. А русская литература ярко демонстрировала этот гуманистический дух, подчёркивая заботу о человечестве, об уязвимых, сострадание, беспокойство и понимание тех, кто оказался в беде, — всё это было в богатой палитре русских эмоций. В китайской философии гуманистический дух русской литературы объясняется как русский национальный характер, который раскрывается русскими людьми через внешнее выражение эмоций. И чем больше человек выражает свои чувства, тем больше понимания он получает. А китайская традиционная культура — полная противоположность. Она требует сдержанности, и даже когда эмоции проявляются, они должны быть умеренными. Русские же раскрывают свой внутренний мир, их психологические характеристики невероятно тонки. Следовательно, для Лу Синь, это было основание для изучения русской литературы, которая так привлекательна для китайских читателей.

Обсуждение

Как заметил Не Мао, русская литература дала кислород и жизненную силу другим народам мира, она была одним из живых источников современной китайской литературы, сыграла решающую роль в духовных поисках современной китайской литературы и в формировании личности китайского интеллигента [11]. Как пишет Чжан Цзяньхуа [17], знакомство с русской литературой, её продвижение и исследование часто начинались не с самой литературы, а скорее с обращением к ней в процессе образования и духовного руководства. Чжан Цзяньхуа отмечает, что при этом делался акцент на прогрессивную роль и революционный дух русских писателей.

Сегодня в системе высшего образования Китая русская литература изучается не только на специальных факультетах, но и в исследовательских центрах, как, например, в Центре русского языка, литературы, и культуры образования Хэйлунцзянского университета – 黑龙江大学俄语文学与文化教育中心 (Center for Russian Language Literature and Culture Education, Heilongjiang University). А на международных симпозиумах и форумах отмечается, что в новую эпоху её преподавание и исследование должно продолжать и углублять культурные обмены, сотрудничество между Китаем и Россией, активно развивая гуманистические качества студентов и навыки межкультурного общения.

Исторические, политические, социальные и культурные процессы, как в России, так и в Китае, сыграли свою роль в формировании образа России через литературные произведения. Сегодня китайские философы, культурологи, филологи вновь обращаются к этой теме. Многие исследователи отмечают, что литературные произведения становятся той мировоззренческой основой, которая способствует формированию русского образа в контексте китайской культуры. Так, например, Ли Минда и Ван Дань [7, С. 82], не столько анализируют восприятие китайцами типичных образов в произведениях русской литературы, сколько описывают их в контексте исторического анализа классической русской литературы XX века. Они рассматривают особенности её позитивного влияния на развитие китайской литературы, воздействие на литературные настроения, общественную психологию и понимание национального образа России несколькими поколениями китайцев.

Но китайские писатели и философы не просто формируют образ России. Они уделяют внимание, по замечанию Ван Цюй, его интеграции в повествовательные рамки китайской культуры; используют тонкие мазки кисти и глубокое мышление, чтобы сочетать русские элементы с традиционной китайской культурой, народными обычаями, историческим прошлым. Данная корреляция, стоит заметить, объясняет тот факт, что необходимо не только сохранить неповторимое очарование русской культуры, но и ответить запросам, эстетическим потребностям китайских читателей. Следовательно, отмечает Ван Цюй, такого рода интеграция не только демонстрирует всеохватность и новаторство китайской литературы, [2, С. 54], но и способствует межкультурному диалогу.

Как было отмечено на международном форуме в 2023 году в Шэньчжэне «Новая эра, новое видение: Международный симпозиум по преподаванию и исследованию русской литературы в Китае», при изучении русского образа необходимо формировать не только российский взгляд, но и китайский взгляд, то есть — изучать и исследовать русскую литературу и культуру с точки зрения китайской культуры. А это позволит сформировать китайскую школу преподавания и исследования русской литературы [13].

Опосредованное изучение русской культуры началось с 20-х годов XX века. Начиная с Лу Синя, признание и восхваление русской литературы в её золотой век, в основном, были сосредоточены, с одной стороны, на изображении писателями мрачной жизни общества, а с другой, на мощной революционной силе их произведений, разрывающей со старым миром и утверждающей новый. Как замечено Ван Чжигэн [3], Лю Синьсинь [10], Чжан Цзяньхуа [17], [18], уже в период Антияпонской войны русская литература рассматривалась как образец литературы национального освобождения и спасения. Во время Третьей гражданской войны исследователи знакомили и пропагандировали ее китайским писателям с одной целью — создать собственную революционную национальную литературу. После основания Китайской Народной Республики, пишут Не Мао [11] и Чжан Цзяньхуа [18], русская литература стала

идеологическим ресурсом для построения нового Китая и воспитания нового поколения, необходимого для социалистического строительства и революции. Поэтому, такие произведения, как «Мать», «Как закалялась сталь» и «Молодая гвардия», в разной степени удовлетворяли эту политическую потребность.

Чжан Цзяньхуа в своих исследованиях [17], [18], обращаясь к литературе советского периода, через трактовку образа России, обосновывает роль советского ревизионизма и противостоянию ему, что идеологически было необходимо на поздних этапах Культурной революции. Тем самым советские романы становились учебным пособием не только для китайских писателей.

В 1980-х годах русская литература вновь обрела в Китае просветительское значение, став важным звеном в процессе разрушения современных суеверий в период развития идеологического освободительного движения. Китайский перевод романа «Доктор Живаго», опубликованный в 1986 году, совпал с размышлениями китайской интеллигенции об истории и действительности того времени. По замечанию Чжан Цзяньхуа, Б. Пастернак исследовал социальные и духовные страдания людей в период социальных преобразований с точки зрения человека и ценности человеческой жизни [18]. Это говорит о том, что Чжан Цзяньхуа тесно связывал свои размышления о национальной истории и будущем с размышлениями о ценности индивидуальной жизни, свободы и счастья.

К концу XX и к началу XXI века понимание русской литературы в Китае постепенно изменилось. Ее чтение стало частным занятием энтузиастов, предметом изучения для студентов, преподавателей и специалистов профильных университетских кафедр. В результате проведенного анализа Чжан Цзяньхуа приходит к выводу, что русская литература в этот период больше не выполняла четкой идеологической миссии. Он отмечает, что исследователи, отойдя от национальной значимости русских образов для китайской культуры, стремились теперь раскрыть социально-историческую ценность, национально-культурные коннотации, религиозный и божественный подтекст русской культуры, ценностно-этические суждения и художественно-эстетические методы в российских литературных произведениях [17].

Сконцентрированное внимание на филологической и лингвистической направленности, дало китайским философам отметить, что русская литература перестала быть идеологическим руководством для китайских специалистов. Это можно объяснить тем, что ситуация в первое десятилетие после распада Советского Союза, была для китайских ученых сложной для объяснения. Как пишет Юй Суй (профессор Центра современных мировых исследований), это был сигнал тревоги. Эволюция Советского Союза побудила Китай почувствовать ощущение кризиса, так как распад партии неизбежно привёл к распаду страны; распад Советского Союза стал прямым следствием распада КПСС [21].

Но это не значит, что в Китае прекратились исследования образа России. Он начинает приобретать новые черты, которые стали характерными для рыночной экономики. Линь Цзинхуа, исследователь русской культуры и литературы, в контексте кросс-культурного подхода останавливается на анализе изучения русской литературы европейскими и американскими учеными. Подходя к исследованию, он разграничивает классическую и массовую русскую литературу, отмечая, что если первой уделяется внимание, то вторая не рассматривается. И здесь же замечает, что именно массовая российская литература отразила урбанизацию страны, была доступна широкому кругу читателей, но, из-за массовой аудитории, к которой она была обращена, литература потеряла в своих образах высокие русские традиции [9, С. 147]. Неслучайно, Не Мао [11] пишет, что в потребительском обществе преобладают лёгкие развлечения и массовая культура. А Жэнь Гуансюань более категорично выступает по этому поводу, отмечая, что сегодня русская литература переживает период вестернизации, в результате чего наметилась тенденция к вытеснению классической литературы из современной культуры. Этот факт, по утверждению Жэнь Гуансюаня, изменил роль культуры в российском обществе [5, С. 10]. А переход к рыночной экономике Жэнь Гуансюань объяснит уже как, переход к маркетингизации российского литературного издательства [5, С. 11].

В этот период китайские исследователи, анализируя литературные тексты российских авторов, открывают в них новый образ России, который обусловлен социально-психологическим портретом. Так, например, Ван Чжигэн в своем исследовании останавливается на широко распространённой ностальгии в российском обществе после распада Советского Союза. Он отмечает, что она проистекает из неудовлетворённости реальностью и является продолжением социально-психологической модели российского общества. Поэтому в литературной сфере, по его мнению, наметилось возвращение к прошлому, так как литература отражает установки, сформировавшиеся под влиянием социалистического реализма, такие как забота о реальности, память о подвиге и ожидание идеализма. Стремительное наступление эпохи постмодерна, по словам Ван Чжигэн, привело к глубокому чувству утраты у тех, кто придерживается этого образа мышления [3].

В этот период вновь начинается обращение к русской классике. В своем исследовании Не Мао [11] ссылается на понимание ее основательности, величия и глубины, так как писатели изображают добро и зло человеческой природы, тьму и свет в глубинах души с поразительным величием, глубиной и спокойствием. И здесь же Не Мао заключает, что шедевры русской литературы, как правило, исключительно тяжёлые, как крик земли, снежных полей и пустыни. Их отнюдь не легко читать; читателю необходимо погрузиться в это горнило, пройти духовное совершенствование, чтобы что-то обрести.

Определяя характерные признаки русских образов, Не Мао опирается на их коннотацию: русские равнодушны к чему-то, но глубоко обеспокоены чем-то, поэтому дионисийский дух в русской литературе — идеальное сочетание «грубости» и «деликатности»; русские религиозны, поэтому у Ф. Достоевского в словах «красота может спасти мир» — симбиотическая связь искусства и религии; русских отличает сильный дух соучастия и преобразующее сознание; для русских реальность — это один мир, а искусство воссоздаёт другой. И здесь Не Мао приходит к глубокому философскому выводу — русский народ требует «жизнь как искусство» (“生活艺术化”), и русская литература трансформирует это требование в «искусство как жизнь» (“艺术生活化”); и заключает — русская литература полна

страданий и блеска. Как знаток русской литературы, Не Мао напишет — «Литература — это учебник жизни» — фраза, знакомая многим китайским читателям.

Русские писатели всегда стремились понять душу русского человека. Это характеризует и китайских философов, которые занимаются изучением русской литературы. Ван Ин акцентирует внимание на формирование трагического образа в русской литературе, обосновывая его тем, что трагическое сознание в русской литературе — продукт синтеза национальной среды обитания, факторов исторического развития и православных верований [1, С. 71]. В характеристике Ван Ин глубокая и величественная русская литература всегда отличалась сильным духом рефлексии. Поэтому, по его мнению, использование литературной формы для размышления и анализа трагических вопросов — это одновременно самоанализ и рациональное понимание мира у русских писателей.

Ли Иннань также отмечает особенности трагического сознания. Подмечая характерные противоречивые признаки русского характера, он пишет, что русский народ противоречив, одновременно оптимистичен и меланхоличен. К этому выводу он приходит, анализируя пьесу В. Вишневского «Оптимистическая трагедия» [6]. По мнению китайского философа, она отражает это противоречивое сочетание, демонстрируя определённые черты русского менталитета. И здесь же, сопоставляет свое заключение с китайской традицией, которая подчёркивает гармонию. И, внося долю сомнения, замечает, что эта традиция часто преуменьшает или скрывает противоречия. И, как бы подводя итог своим размышлениям, утверждает — русская литература именно использует эти противоречия, трогая читателей своими трагическими сюжетами.

Аналогичную позицию видим и у Чжан Цзяньхуа, китайского культуролога и философа. Он анализирует культурные особенности, духовный облик русской литературы [17]. Чжан Цзяньхуа определяет у нее четыре аспекта: сильное чувство этической ответственности; синтез духа и души, который раскрывается в духовном потенциале литературы через её трансцендентальное отношение к мирской и материальной жизни, через ее мощный гуманистический дух, через глубокую заботу о высшей сущности человеческой жизни. А также и такие аспекты, как возвышенный идеализм и неотъемлемый трагизм.

Таким образом, можно предположить, что в китайской философии сформировалось трансцендентальное отношение к образу России через литературные произведения русских и советских писателей, так как оно выходило за пределы традиционного китайского описания: литературные герои стали не только прообразами русской нации, но и основанием для сопоставления / противопоставления китайской ментальности.

Заключение

Изучение русской литературы представляет для китайских специалистов одно из ведущих направлений в гуманитарном китайско-российском сотрудничестве. Если русская литература раскрывала особенности ментальности народа, то советская — его национальный характер. Постсоветская литература стала для китайских философов показателем душевного кризиса. Если через русскую литературу в Китае формировался национальный образ русского человека; через советскую — национального героя, то постсоветская литература больше порождала у китайских исследователей проблем, с которыми необходимо считаться в условиях трансформации общественного развития.

Профессор Ван Цзечжи, исследователь русской культуры и литературы, в одной из своих лекций подчеркнул, что идея Энгельса об измерении и оценке литературных явлений «с эстетической и исторической точек зрения» является методологическим принципом, которому необходимо следовать в исследованиях зарубежной литературы [10]. Поэтому, если с исторической — то китайские исследователи подходят к интерпретации литературных произведений в контексте событий, которые влияют на образ мышления, на идеи русских писателей; если с идеологической позиции — то китайские философы подходят к исследованию образа России через литературные произведения для обоснования коннотаций национального характера, понимание которого необходимо для стратегии китайско-российского сотрудничества. Если учитывать и национальный фактор, то исследование образа России в различные исторические эпохи становится для китайских философов основанием для его трактовки с китайской спецификой. А философский взгляд на литературное творчество китайских писателей подчеркивает, что оно становится механизмом формирования культурного образа России в Китае, который отражает влияние русской литературы на китайскую культуру, а, с другой стороны — на личное восприятие китайскими литераторами культурного образа России.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.164.80.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

International Research Journal Reviewers Community
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.164.80.1>

Список литературы / References

1. 王 盈. 俄罗斯文学悲剧意识的历史文化成因及其特征探究[J]. 2019 年第 4 期 俄罗斯语言文学与文化研究 2019, №4 总第 66 期: 70-76
2. 王作剩. 对镜自省: 中国电影中的俄罗斯形象[J]. 电影新作, 2021 年(05): 54-61.
3. 王志耕. 当代俄罗斯文学的现实主义潜流 // China Social Sciences Network — China Social Sciences Daily. — URL: https://www.cssn.cn/wx/wx_wgwx/202208/t20220802_5443115.shtml (申请日期: 15.08.2025)

4. 郭思文.梁晓声与俄罗斯文学 – 兼论小说《人世间》中的俄罗斯形象[J].文艺评论,2023 年(06):94-104. DOI:10.16566/j.cnki.1003-5672.2023.06.009
5. 任光宣.再论苏联解体后俄罗斯文学: 社科网 2010. 第 9-16 页
6. 李英男. 为什么中国读者如此热爱俄罗斯文学? // Yangcheng Evening News 2014 年 02 月 23 日 16:08. — URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0223/c70731-24439648.html> (申请日期: 22.06.2025)
7. 李明达,王丹.俄罗斯文学形象在中国的流变[J].名家名作,2023 年(13):82-84.
8. 李随安.中国和俄罗斯: 国家形象之比较[J].西伯利亚研究,2007 年(04):53-55
9. 林精华. 俄罗斯文学研究的国际政治学: 西方斯拉夫学视野下的俄国大众文学 [J]: 俄罗斯东欧中亚研究 2022 年第 6 期: 137-159
10. 刘欣欣. 汪介之教授谈“俄罗斯文学学习与研究 40 年回顾与思考” // Institute of Literary Studies, SISU. — URL: <http://www.ils.shisu.edu.cn/b6/f3/c6634a177907/page.htm> (申请日期: 01.09.2025)
11. 聂茂: 俄罗斯文学的心灯 // China Writers Network. —2023. — URL: <https://www.chinawriter.com.cn/n1/2023/0107/c404092-32601665.html> (申请日期: 22.08.2025)
12. 俄罗斯文学 // 走进俄罗斯 — URL: <https://eyzx.dlufl.edu.cn/info/1052/1664.htm> (申请日期: 23.06.2025)
13. 孙尧天 | “幼者本位” “善种学” 及其困境——论“五四”前后鲁迅对父子伦理关系的改造 // Sohu. — 2020. — URL: https://www.sohu.com/a/411816936_745113 (申请日期: 14.07.2025)
14. 薛福歧. 俄罗斯文学: 俄罗斯 (列国志), 社科文献出版社 2005 年 8 月版 2009 年 11 月 30 日. — URL: http://euroasia.cssn.cn/xsyj/xsyj_elswh/200911/t20091130_1785532.shtml (申请日期: 20.05.2025)
15. 臧文茜,赵鸿.论俄罗斯卫星通讯社的国际传播实践(2014—2021)年[J].现代传播(中国传媒大学学报), 2023, (12):66-72+145. DOI:10.19997/j.cnki.xdcb.2023.12.008
16. 瞿秋白与俄罗斯文学 // Guangming Daily. — 2023. — URL: https://www.cssn.cn/gjgc/hqxx/202301/t20230115_5582795.shtml (申请日期: 21.08.2025)
17. 张建华.遇见俄罗斯文学的黄金时代! — URL: <https://www.lifeweek.com.cn/article/96989> (申请日期: 22.08.2025)
18. 张建华. 1.2 | 俄罗斯文学的文化特征与精神品格 (下) — URL: <https://www.lifeweek.com.cn/article/96226> (申请日期: 23.06.2025)
19. 朱中秋. 论张西曼的俄罗斯形象 [D]. 黑龙江省社会科学院, 2012 年 .1-60 页。 — URL: https://www.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD201402&filename=1014015696.nh&uniplatform=OVERSEA&v=hJX6FQwIArjvDEbqLEif393vLzbiagA0fruySnAdPmN2_V7VQTt5gI2wTnh_DbH4 (申请日期: 25.08.2025)
20. 陈嘉明: 知识论在中国的演进 // 中国社会科学网. — 2023. — URL: <https://zxxy.sxu.edu.cn/xzhd/9fdac6f770a74e0f9cb621d8c455cd4f.htm> (申请日期: 25.07.2024)
21. 俞邃. 苏联解体对中国的四点影响 // Global Times. —2011. — URL: http://euroasia.cssn.cn/xwzx/xwzx_ttxw/201112/t20111226_1781316.shtml (申请日期: 22.06.2025)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Wang Ying. Eluosi wenxue beiju yishi de lishi wenhua chengyin ji qi tezheng tanjiu [A Study of the Historical and Cultural Causes and Characteristics of Tragic Consciousness in Russian Literature] / Wang Ying // Eluosi yuyan wenxue yu wenhua [Russian Language, Literature and Culture]. — 2019. — № 4. — P. 70–76. [in Chinese]
2. Wang Zuosheng. Dui jing zixing: Zhongguo dianying zhong de Eluosi xingxiang [Looking in the Mirror of Introspection: The Image of Russia in Chinese Cinema] / Wang Zuosheng // Dianying xinzuo [New Films]. — 2021. — № 5. — P. 54–61. [in Chinese]
3. Wang Zhigeng. Dangdai Eluosi wenxue de xianshizhuyi qianliu [The Realistic Undercurrent of Contemporary Russian Literature] / Wang Zhigeng // Zhongguo shehui kexue wang — China Social Sciences Daily [China Social Sciences Network — China Social Sciences Daily]. — URL: https://www.cssn.cn/wx/wx_wgwx/202208/t20220802_5443115.shtml (accessed: 15.08.2025). [in Chinese]
4. Guo Siwen. Liang Xiaosheng yu Eluosi wenxue – jian lun xiaoshuo "Ren shijian" zhong de Eluosi xingxiang [Liang Xiaosheng and Russian Literature – Also on the Image of Russia in the Novel "The Human World"] / Guo Siwen // Wenyi pinglun [Literary and Art Criticism]. — 2023. — № 6. — P. 94–104. — DOI: 10.16566/j.cnki.1003-5672.2023.06.009. [in Chinese]
5. Ren Guangxuan. Zai lun Sultan jieti hou Eluosi wenxue [Re-discussing Russian Literature after the Dissolution of the Soviet Union] / Ren Guangxuan // Shehui kexue wang [China Social Sciences Network]. — 2010. — P. 9–16. [in Chinese]
6. Li Yingnan. Weishenme Zhongguo duzhe ruci re'ai Eluosi wenxue? [Why Do Chinese Readers Love Russian Literature So Much?] / Li Yingnan // Yangcheng wanbao [Yangcheng Evening News]. — 2014. — URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0223/c70731-24439648.html> (accessed: 22.06.2025). [in Chinese]
7. Li Mingda, Wang Dan. Eluosi wenxue xingxiang zai Zhongguo de liubian [The Evolution of the Image of Russian Literature in China] / Li Mingda, Wang Dan // Mingjia mingzuo [Famous Masters and Masterpieces]. — 2023. — № 13. — P. 82–84. [in Chinese]

8. Li Sui'an. Zhongguo he Eluosi: guojia xingxiang zhi bijiao [China and Russia: A Comparison of National Images] / Li Sui'an // Xiboliya yanjiu [Siberian Studies]. — 2007. — № 4. — P. 53–55. [in Chinese]
9. Lin Jinghua. Eluosi wenxue yanjiu de guoji zhengzhixue: Xifang Silafuxue shiye xia de Eguo dazhong wenxue [International Politics of Russian Literature Studies: Russian Mass Literature from the Perspective of Western Slavic Studies] / Lin Jinghua // Eluosi Dongou Zhongya yanjiu [Russian, East European and Central Asian Studies]. — 2022. — № 6. — P. 137–159. [in Chinese]
10. Liu Xinxin. Wang Jiezhi jiaoshou tan "Eluosi wenxue xuexi yu yanjiu 40 nian huigu yu sikao" [Professor Wang Jiezhi on "40 Years of Review and Reflection on the Study and Research of Russian Literature"] / Liu Xinxin // Institute of Literary Studies, SISU. — URL: <http://www.ils.shisu.edu.cn/b6/f3/c6634a177907/page.htm> (accessed: 01.09.2025). [in Chinese]
11. Nie Mao. Eluosi wenxue de xin deng [The Spiritual Light of Russian Literature] / Nie Mao // Zhongguo zuojia wang [China Writers Network]. — 2023. — URL: <https://www.chinawriter.com.cn/n1/2023/0107/c404092-32601665.html> (accessed: 22.08.2025). [in Chinese]
12. Eluosi wenxue [Russian Literature] // Zoujin Eluosi [Entering Russia]. — URL: <https://eyzx.dlufl.edu.cn/info/1052/1664.htm> (accessed: 23.06.2025). [in Chinese]
13. Sun Yaotian. "Youzhe benwei" "shan zhong xue" ji qi kunjing – lun "Wusi" qianhou Lu Xun dui fu zi lunli guanxi de gaizao ["Child-Oriented", "Eugenics" and Their Dilemma – On Lu Xun's Transformation of Father-Son Ethical Relations Before and After the "May Fourth" Movement] / Sun Yaotian // Sohu. — 2020. — URL: https://www.sohu.com/a/411816936_745113 (accessed: 14.07.2025). [in Chinese]
14. Xue Fuqi. Eluosi wenxue: Eluosi (lie guo zhi) [Russian Literature: Russia (History of Countries)] / Xue Fuqi // Shehui kexue wenxian chubanshe [Social Sciences Academic Press]. — 2009. — URL: http://euroasia.cssn.cn/xsyj/xsyj_elswh/200911/t20091130_1785532.shtml (accessed: 20.05.2025). [in Chinese]
15. Zang Wenxi, Zhao Hong. Lun Eluosi weixing tongxunshe de guoji chuanbo shijian (2014–2021) nian [On the International Communication Practice of the Russian News Agency Sputnik (2014–2021)] / Zang Wenxi, Zhao Hong // Xiandai chuanbo (Zhongguo chuanmei daxue xuebao) [Modern Communication (Journal of Communication University of China)]. — 2023. — № 12. — P. 66–72, 145. — DOI: 10.19997/j.cnki.xdcb.2023.12.008. [in Chinese]
16. Qu Qiubai yu Eluosi wenxue [Qu Qiubai and Russian Literature] // Guangming ribao [Guangming Daily]. — 2023. — URL: https://www.cssn.cn/gjgc/hqxx/202301/t20230115_5582795.shtml (accessed: 21.08.2025). [in Chinese]
17. Zhang Jianhua. Yujian Eluosi wenxue de huangjin shidai! [Meet the Golden Age of Russian Literature!] / Zhang Jianhua // Lifeweek. — URL: <https://www.lifeweek.com.cn/article/96989> (accessed: 22.08.2025). [in Chinese]
18. Zhang Jianhua. 1.2 | Eluosi wenxue de wenhua tezheng yu jingshen pingge (xia) [1.2 | Cultural Characteristics and Spiritual Character of Russian Literature (Part 2)] / Zhang Jianhua // Lifeweek. — URL: <https://www.lifeweek.com.cn/article/96226> (accessed: 23.06.2025). [in Chinese]
19. Zhu Zhongqiu. Lun Zhang Ximan de Eluosi xingxiang [On Zhang Ximan's Image of Russia]: Master's diss. / Zhu Zhongqiu. — Heilongjiang Academy of Social Sciences, 2012. — 60 p. — URL: https://www.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD201402&filename=1014015696.nh&uniplatform=OVERSEA&v=hJX6FQwIArjvDEbqLEif393vLzbiagA0fruySnAdPmN2_V7VQTt5gI2wTnh_DbH4 (accessed: 25.08.2025). [in Chinese]
20. Chen Jiaming. Zhishilun zai Zhongguo de yanjin [The Evolution of Epistemology in China] / Chen Jiaming // Zhongguo shehui kexue wang [China Social Sciences Network]. — 2023. — URL: <https://zxxy.sxu.edu.cn/xzhd/9fdac6f770a74e0f9cb621d8c455cd4f.htm> (accessed: 25.07.2024). [in Chinese]
21. Yu Sui. Sultan jieti dui Zhongguo de si dian yingxiang [Four Implications of the Dissolution of the Soviet Union for China] / Yu Sui // Huanqiu shibao [Global Times]. — 2011. — URL: http://euroasia.cssn.cn/xwzx/xwzx_ttxw/201112/t20111226_1781316.shtml (accessed: 22.06.2025). [in Chinese]